

Ирина Петрова

Гильза памяти

Ирина Сергеевна Петрова

Гильза памяти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73524218

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ красочный, на военную тематику-типа играли дети возле школы ,а рядом находился овраг-где они не раз раскапывали стреляные гильзы ,но в этот день один из них нашел непростую гильзу, а гильзу-патрон, которые во время войны солдаты носили как медальон со своими данными типа жетона и по рассказам дела одного из ребят они узнали ,что тут проходили бои и в одном из домов даже жил немецкий летчик, которого пригрела старушка, он был подбит ,выбросился из самолёта и приземлился аккурат у нее во дворе .да так и жил ,помогал по хозяйству ,а всем она сказала, что внук приехал из госпиталя.

Ирина Петрова

Гильза памяти

Гильза памяти.

Автор: Петрова Ирина.

Телефон: +375298960859

Сентябрьское солнце, уже не летнее, но еще упрямое, золотило крышу старой школы и верхушки кленов. Воздух был густой и прозрачный, пах опавшей листвой, нагретым асфальтом и далекой грустью уходящего лета. «Казачи-разбойники» в самом разгаре. Витька, красный от бега и важности своей роли атамана, носился по школьному двору, залиvisto крича: «За мной! За мной! Немцев в окоп!»

«Окопом» у нас был старый, глубокий овраг за школой, заросший лопухами и крапивой. Для нас это было не просто углубление в земле, а целая история. Мы знали каждую его впадинку. После сильных дождей земля там размывалась, и мы, как кладоискатели, ползали по склонам, выискивая следы прошедшей войны. Чаще всего попадались стреляные гильзы – зеленоватые, оплавленные временем, с выщербленными донышками. Мы их коллекционировали, гордились особенно «редкими» экземплярами.

В тот день я копался у самого подножия склона, разгребая палкой влажную глину. И вдруг пальцы наткнулись на что-то гладкое и холодное, не похожее на обычный ржавый хлам. Я вытащил из земли гильзу. Но она была не такая, как все. Сквозь вековую грязь и окислы угадывался желтоватый металл – латунь. Она была целая, не стреляная, а самое главное – на ее боку были процарапаны какие-то знаки.

«Ребята! Смотрите!» – крикнул я.

Одноклассники сбежались ко мне, сгрудившись, разглядывая находку.

«Да обычная гильза, только желтая», – фыркнул Витька.

«Нет, погоди, – перебил его Сашка, наш главный «историк», сын местного лесника. – Смотри, тут что-то нацарапано».

Мы побежали к водопроводной колонке у школы и принялись отмывать находку. Под струей воды проступили буквы и цифры. Четко, по-солдатски аккуратно, было выведено: «F. Weber. 12.10.1942».

Мы замерли. Это было не просто железо. Это была чья-то судьба.

«Это жетон, – с придыханием сказал Сашка. – Так солдаты делали. В гильзу записку с данными сворачивали или, вот

так, на самой гильзе царапали. Типа медальона. Чтобы если что, опознали».

Мы сидели на теплых ступеньках крыльца, передавая друг другу теплую латунную гильзу, будто святыню. Кто он был, этот Ф. Вебер? Как его гильза оказалась здесь, в нашем овраге, в самом сердце Беларуси?

«Знаете, что? – вдруг оживился Сашка. – А давайте к моему деду сходим. Он про ту войну все знает. Он еще мальцом был, когда здесь бои шли».

Дед Миша, Сашкин дед, сидел на завалинке своего старенького дома на окраине деревни и чинил грабли. Выслушал он наш взволнованный рассказ, взял в свои жилистые, исчерченные морщинами руки гильзу, долго молча разглядывал ее, будто читая по ней, как по книге.

«Вебер... – протянул он наконец, качая головой. – Фриц Вебер. Летчик он был. Немецкий летчик».

Мы затаили дыхание.

«Да, бои тут были жестокие, – начал дед, глядя куда-то поверх наших голов, в прошлое. – Небо гудело, как улей. И вот один «мессер», подбитый нашими зенитчиками, задымил и пошел вниз. А пилот выпрыгнул с парашютом. И приземлился аккуратно во дворе у тети Христины, вот в том доме, где сейчас магазин-то стоит. Старушка она была одна, Богом забытая».

Дед сделал паузу, раскуривая самокрутку.

«Ну, приземлился он. Весь обгорелый, ногу повредил. Тетка Христина могла что? Оставить умирать? У нее сыновья на фронте были, она знала, что такое материнское горе. Вынесла ему молока, перевязала раны. А когда наши пришли, сказала всем, что это ее внук из госпиталя приехал, мол, контуженный, неразговорчивый. Немец он наш язык не знал, вот и молчал. Так и прижился».

«И что, он тут жил?» – не удержался я.

«Жил. Помогал ей по хозяйству. Дрова колол, огород копал. Молчаливый такой был. А тетка Христина его от всех прятала, как могла. Говорят, у него этот самый медальон, вот такая же гильза, на шнурке на шее висела. Наверное, боялся, что наши найдут и расстреляют. А когда наши части дальше на запад погнали, он куда-то и исчез. Видно, ушел к своим, или... кто его знает. А тетка Христина до самой смерти говорила, что внук ее в город уехал».

Мы сидели, не в силах вымолвить ни слова. Обычный овраг, где мы днями пропадали, вдруг стал местом, где разворачивалась настоящая человеческая драма. Это была не история из учебника про танки и атаки. Это была история про старушку, которая пожалела врага, и про летчика, который колол дрова под чужим именем.

Я сжал в кармане гильзу. Она была уже не холодной, а теплой от моей руки. И мне показалось, что я держу не просто кусок металла, а чью-то короткую, затерянную в вихре

войны жизнь, которая навсегда осталась здесь, в нашей земле, под мирным шелестом кленов у старой школы.

Вечерние тени уже легли густо и сиром, когда мы, притихшие, расходились по домам. Гильза лежала у меня в кармане, тяжелая, будто не латунная, а свинцовая. Я не бежал, как обычно, шлепая по лужам, а шел медленно, ощущая каждым нервом груз истории, который теперь носил с собой.

Дома, за ужином, я вертел в руках кусок хлеба и молчал.

«Что с тобой? Словно воды в рот набрал», – поглядела на меня мать.

Я не удержался. Достал гильзу, положил на скатерть рядом с тарелкой. «Нашли сегодня... В овраге».

Отец, до этого углубленный в газету, отложил ее в сторону. Взял гильзу, повертел у лампы. Прочел выцарапанное имя. Его лицо, обычно спокойное, стало серьезным.

«Пап, а разве... разве они не все были фашистами? Злыми?» – выпалил я самый главный вопрос, который глодал меня изнутри.

Отец тяжело вздохнул, положил гильзу на стол.

«Война, сынок, она не черно-белая. Она вся в таких вот... полутонах. Среди них тоже люди разные были. Одни – да,

звери. А другие... просто солдаты, которых на эту войну бросили, как дрова в топку. Вот этот твой Фриц... Может, он и впрямь просто летел и выполнял приказ. А может, и не хотел никого убивать. Кто его знает».

«Но дед Миша сказал, что тетя Христина его спрятала. А у нее сыновья на фронте воевали! Как же она так?»

Мать, помолчав, тихо сказала: «Сердце у матери, Ваня, оно не каменное. Оно ко всякой боли чужое прикипает. Видимо, увидела она в нем не врага, а израненного парня, который тоже чей-то сын. Бог ей судья».

На следующий день мы с Сашкой и Витькой, как по команде, собрались у того самого дома, где теперь был магазин. Мы смотрели на покосившееся крыльцо, на заросший палисадник, пытаясь представить себе ту самую тетю Христину и высокого, молчаливого «внука», который по вечерам, наверное, смотрел на то же самое небо, по которому он недавно летал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.